

Рыбинский Константин
Для метро

Константин Викторович Рыбинский

Для метро

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28351697

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-94345-2

Аннотация

Прага, начало 21 века, случайная встреча в метро. В этом мире всё – метро. "Люди приходят-уходят, смазываясь в памяти, как узоры дьявольского калейдоскопа". Первая часть дилогии называется «Листопад». Как и во всём остальном, неспроста. Опадают листья, рушатся судьбы, опускаются руки. Но «Листопад» – это ещё и «ноябрь» по-украински. Последний месяц осени, за которой чистая зима. За «Листопадом» следует вторая часть: «Эпилог». Нет, упавшие листья на ветку не приклеишь. Новые отрастут.

Содержание

Часть 1. Листопад	5
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Константин Рыбинский

Для метро

Только люди, которые мне нравятся,
которых я люблю,
вот они – моя последняя родина.

Д. Фаулз. «Волхв»

Часть 1. Листопад

Метро. Стучат колёса, шипит воздух, люди уходят – приходят, не задерживаясь в памяти, как смазанные узоры дьявольского калейдоскопа. Ты читаешь. Я пишу. Я рядом, просто потому, что я всегда с тобой.

Ты всегда читаешь здесь. Каждый день ты равнодушным удавом заглатываешь несколько километров печатного текста. Шипит воздух. Объявляют станцию. Шипит воздух, изменяется гравитация, стучат колёса. Ты читаешь. Я пишу. Это – метро.

В этих подземельях, кем бы ты ни был, ты – жертва. Ещё до турникета мы уже решили, куда и как ты едешь. Так что сиди и читай.

Знаешь, что мы сейчас проезжаем? Туннель, опять туннель.... Сейчас, пока мы здесь, не важно, Москва это, Нью-Йорк или Париж.

Ты ведь всё о них знаешь. Там везде – метро, где ослепительное сияние станций лишь оттеняет безнадёжную тьму перегонов, во время которых ты цепляешься за меня. А я не брошу тебя.

Я всегда буду с тобой.

Там, наверху, идёт дождь. Ты знаешь, как это бывает.

Звук, запах.... Даже цвет. Ты всё уже знаешь. Скучно рассказывать. Хотя....

У каждого за пазухой есть камень. Обычно, его приберегают для кого-то, а меня он тянет вниз. Может быть, вышвырнуть его было бы вернее всего, но жаль расставаться, всё время кажется, что именно этого-то во мне и будет не доставать.

У меня такой камень – Прага, и я его никому не отдам.

* * *

В Праге всегда идёшь или вверх, или вниз – удивительно холмистый город. Мы молча шли вниз по мощёной серым булыжником улице, где едва ли разъедутся два автомобиля, окажись они тут.

Мороженое ощущалось смесью советского пломбира, заграничной мечты, плюс терпкий запах опавших листьев, шум в голове от вчерашней водки, и всё наше безумие, сплетающее пальцы, и терзающее плоть. И дождь. Ноябрь в Праге – это почти всегда дождь.

– Ты первый мужчина в моей жизни, который ест мороженое под дождём.

Вечер, темно, горят жёлтыми кругами водяной пыли старинные фонари. Прохожих почти нет. Стук твоих каблуков. А я всегда хожу бесшумно.

– Один, – добавила.

Дождь моросил уже третий день – город стал серым, мокрым, но странно уютным. Скорее всего, потому что с тобой.
– Дай!

Ты стояла передо мной, протянув руку, глядя снизу вверх, как ребёнок, ищущий повод расплакаться. Чёрный короткий плащ намок и блестел, с капюшона частыми каплями стекала вода.

Я передал тебе золотистый вафельный рожок. Улыбнулся чеширской улыбкой. Ты бросила в ответ мрачный взгляд исподлобья, впилась в пломбир, но сразу отвернулась, прижала красную варежку к губам: у тебя заныли зубы – и виноват в этом, конечно же, я.

– Пойдём в кафе или в бар, перекусим и согреемся! – предложил я как можно мягче. Мне показалось, ты о чём-то не договариваешь, и это злит тебя.

Ты обернулась, посмотрела, наклонив голову, куда-то поверх меня, на фонарь, потом протянула мне руку:

– Пойдём.

Если ты рядом, я ничего не знаю о следующей секунде. С самого начала, которое недавно, свежо и ещё не запомнилось, потому что ему рано становиться памятью.

Мы спустились в небольшой погребок.

* * *

В метро гулял тёплый и сухой ветер. После долгой про-

гулки по центру, оставившей после себя холодную оторопь, это утешало.

Друзья, конечно, знали, что говорили – не стоило ехать в Прагу в ноябре. Сыро, холодно.... Но я не мог больше ждать. Сделав шаг, я наступал себе на пятку, сказанное слово предварялось его не отзвучавшим эхом, любовь стала тенью тени, отброшенной тенью.... Алкоголь помогал плохо – спасая от одного тоскливого вечера, он дарил взамен три безнадёжных дня, полных страха и слабости. Случайные женщины отталкивали пошлостью, а неслучайные не встречались. Тоска поднималась выше ватерлинии, я начинал захлёбываться.

В детстве я любил нырять в море, где солёная вода прозрачна до степени обмана, когда невозможно определить глубину и расстояние. Я подолгу плавал у скал, поросших лохмотьями буро-зелёных водорослей, ожидая, что за очередным выступом меня подстерегает что-то огромное и хищное. Но солнечный свет под водой терял линейность, дробясь, искривляясь, и обещая, что ничего плохого со мной здесь случиться просто не может. Ведь всё прекрасно – и море, и я, прошлое так мало, а будущее оглушающе огромно, и там, за скалами на берегу родители, которые меня любят и ждут.

Я ничего не знал об этом мире тогда. Тем более, не знаю теперь. Кто руководит моими поступками, заставляя повер-

нуть налево, когда я планировал направо? Кто отправляет целые народы в бездну войн? Почему человек живёт себе спокойно годами, а потом ни с того, ни с сего срывается с места и отбывает к новой жизни? Думаю, если кто скажет, что знает – обязательно соврёт. Но, чёрт возьми, должно быть что-то, что заставило меня нырнуть за камнем, что лежал подо мной на неизвестной глубине.

Рывок – стало холодно, совсем не по-летнему. Заложили уши. Ещё. Ещё холоднее. Терпимо. Ещё чуть-чуть.... Вот оно: оплывшие грани ласкают руку. Теперь назад.

Вокруг струится лёгкое, осязаемое кожей, сияние, за ним – пугающий голубой сумрак, выше – рукой подать – отбрасывающее вверх и вниз сотни ослепительных бликов мягко волнующееся текучее зеркало....

Добраться до него я никак не мог. Казалось, один лягушачий толчок должен выбросить меня на поверхность, но раз за разом я оставался под водой. Нужно вдохнуть.

Пусть здесь. Пусть так.

Значит, всё.

Всё!

Оторванным поплавком я выскочил на поверхность, и воздух оказался самым вкусным лакомством.

Теперь я был взрослым. Я снова тонул. Вот только не знал, куда плыть.

Кстати, тот камень со дна – он высох и оказался обычным булыжником. Досадно было бы подохнуть из-за него. А из-

за чего нет? Пожалуй, теперь уже всё равно.

«Пршишти станица – Староместска» – пропел женский голос, искалеченный динамиком.

Мне всегда неуютно находиться в замкнутом пространстве с незнакомыми людьми. Так и тянет с каждым поздороваться и тяпнуть стремянную! Проверенно – не работает, увы. В большинстве своём люди – такие же, как ты сам: совершенно не желают сокращать дистанцию. Да и слава Богу.

На Староместской зашла невысокая, стройная девушка, в синих джинсах, чёрном пальто. На шее болтался сбившийся вязаный шарф в цвет штанов. Пройдя по вагону, встала передо мной. Я покосился на свободное место рядом. Состав тронулся, она толкнула меня коленом, я поднял глаза.

– Привет!

– Привет.

– Я даже не удивлена, что ты русский. Турист?

– Нет. Я живу здесь. Теперь.

– Давно?

– С месяц.

– Значит, почти турист! – усмехнулась она.

– Ну, не скажи! Ты сама где была?! Карлов мост, Вышеград, Староместская???

– Не уверена.

Я чуть подвинулся:

– Присаживайся.

Она смотрела на меня сверху вниз из-под копны свет-

ло-русых волос, рассыпавшихся по лицу.

– Ты не маньяк?

– Не уверен.

– Тогда ладно, – она буквально обрушилась рядом.

Вагон чуть покачивался, напротив сидели гордые чешские старушки.

– Ты покажешь мне город, как знаешь его ты?

– Мы на «ты»?

– А разве нет? – ты искренне удивилась.

– Пожалуй, да.

– Что «да»?

Я рассмеялся:

– И покажу, и на «ты».

– Вот и хорошо. Ненавижу условности.

Расстояния между станциями в Праге небольшие. Очень скоро чарующий голос безвестной чешки объявил: «Укончите просим выступ а наступ, двержи се зазирае. Пршишти станица – Музеум».

– Тогда рассиживаться нам особо некогда. Даже поговорить пока толком не успеем. Сейчас прыгаем на «линку с» и вперёд!

Вот и Музеум.

– Пошли, – я встал, подал тебе руку. Твоя ладонь оказалась прохладной и слегка влажной.

Мы перешли на Музеум ветки С и остановились на островке перрона. Оглядевшись, ты заметила:

– Отвратительная станция!

– Трудно поспорить, – нас окружал гранитный склеп.

– Плохо, когда архитектор не любит людей.

– А ты любишь? – слегка капризно, но без намёка на кокетство.

– Я не строю станций метро в самом волшебном городе на земле!

– Забавно, – ты рассмеялась, и сразу подошёл поезд, отмеченный красной полосой вдоль всего состава.

Очень просто: красная полоса – красная ветка.

Сели рядом и молчим.

– Что ты читаешь?

– Кастанеду.

– Неожиданно! Странный выбор для девушки. Практикуешь?

– Что за примитивный мачизм? А где мне найти дона Хуана, Тем более, дона Хенаро, когда вокруг одни крокодилы? Так, для расширения кругозора.

– Впервые слышу это от женщины. Я имею в виду «Кастанеду». Большинство уверено, что это слово означает «погремушки».

– Тебе не везло с женщинами.... Но месяц назад и я назвала бы что-нибудь другое.

– Вовремя мы встретились.... А что было бы ответом месяц назад?

Ты на секунду задумалась.

– По-моему, тогда был Гессе «Степной волк». Или Фаулз «Волхв».

– Снимаю шляпу, – я склонил голову.

Ты удивила меня. Удивляла и после. И сейчас удивляешь.

– А ты что читаешь?

– Довлатов. Мне, знаешь ли, ко времени.

– Мастер блестящих банальностей, кажется?

– Он не обижался на это. Здесь всё банально.

– Его приятель Бродский всё-таки сумел как-то...

– Не знаком.

– С ним сложно познакомиться! Но пишет – гениально:

*Ты поскачешь во мраке по бескрайним холодным холмам
вдоль берёзовых рощ, отбежавших во тьме, к треуголь-
ным домам,*

*вдоль оврагов пустых, по замёрзшей траве, по песчаному
дну,*

*освещённый луной, и её замечая одну*¹

Ты читала стихи громко, нисколько не смущаясь посторонними, а вот я почувствовал себя не в своей тарелке. Стало неловко, как будто меня публично втянули во что-то постыдное.

– Каково? – ты вела себя настолько естественно, что я со своей неловкостью ощутил себя провинциальным чурбаном.

---

¹ И. Бродский.

– Прекрасные стихи.

В самом деле, почему материться на людях удобно, а говорить о Бродском – нет?

Так мы и добрались до «Розтили», станции в конце красной ветки на восточной окраине Праги. Выйдя, ты опять огляделась.

– Как в подземном переходе. Здесь все станции такие ... некрасивые?

– До московских им, конечно, далеко. Большинство – невзрачны, некоторые – просто убоги. Но есть такие, каких больше нет нигде – Райска заграда, например.

– Съездим, посмотрим?

– Сейчас?

– Ну, да!

– Но ты же хотела увидеть Прагу, как её вижу я! Мне казалось, неплохо бы выпить за знакомство в месте, где не услышишь криков «зерр гутт!». Да и перекусить слегка.

– Ах, да... – ты поморщилась. Задумалась, наклонив голову. В такие минуты ты всегда не здесь, можешь даже не услышать, что тебе говорят. Иногда это жутко раздражает. – Давай пиво... Но ведь ещё рано, мы можем успеть, правда?

– Успеем, конечно... Но я совсем не ожидал такого горячего интереса к пражскому метрополитену!

– Это плохо?

– Это странно!

– Так это плохо? – ты очень серьёзно посмотрела мне в

глаза. Я рассмеялся:

– Нет, не плохо, не плохо! – захотелось обнять тебя, ты показалась такой одинокой, так затравленно смотрела на меня снизу... Но я не решился, – Всё успеем, не бойся!

– Ты – молодец, – улыбнулась ты.

– Почему?

– Нипочему. Пойдём?

* * *

Она жила в большом и скучном городе на востоке, где зимой стояли полярные морозы, а хлёткие вьюги дочиста вылизывали пустые улицы.

В детстве ей нравилось бороться с жестоким, сбивающим с ног северным ветром, несущим миллионы ледяных игл, колотивших лицо. Маленькая и нелепая в своей мохнатой чёрной шубке из чебурашки, она в одиночку шла против него, наклоняясь к замёрзшей земле. Крошечный подвиг в большом загадочном мире. А потом было здорово прийти домой небольшим сугробом, долго и безуспешно чистить одежду, оставляя в подъезде тёмные лужицы воды, тереть онемевшие щёки колючими варежками, прищурившись, смотреть на лампу, сквозь ресницы, усыпанные бриллиантами растаявших снежинок. Затем, в тёплой кухне, на покрытом цветастой скатертью столе у раскалённой батареи, её ждал горячий ароматный чай с тягучим мёдом и колкими сушками. За

решёткой вентиляции завывал ветер, в окно билась выюга – она представляла себя в старой немецкой сказке.

Ещё лучше, если возвращаться можно не домой, а к бабушке. Она и дед жили недалеко, через пару узких улиц и заснеженный двор, в однокомнатной квартире с маленькой кухней. Шкафы, кровать, кресло, посуда – абсолютно всё здесь было из времён, ушедших так давно, что как будто их и не существовало. В этом доме не шуршала страницами ни одна книга моложе двадцати лет. Даже запахи, витавшие здесь, больше нигде не встречались, словно мир вокруг изменился, забыв о двух стариках.

Дед, огромный и крепкий, нацепив на нос роговые очки, обычно вязал бесконечную рыбацкую сеть, сидя в белой майке и трико на стуле у балконной двери. Когда приходила любимая внучка, он бросал своё мистическое занятие, сильными руками поднимал её в воздух, прижимал к своей нестерпимо колючей щеке. Эта боль от щетины стала почему-то одним из самых сильных воспоминаний о нём, очень личным и тёплым.

Однако, долго возиться с детьми он не любил, вскоре вновь возвращался к своему плетению. Сети у него получались хорошие, прочные, ими ловили рыбу ещё очень долго.

Бабушка первым делом кормила её ужином, невзирая на желание внучки. Этот ритуал сделался настолько свят, что нарушить его не смогла бы даже внезапно начавшаяся термоядерная война, ожидаемая в те времена с минуты на ми-

нугу. Никаких изысков, никакого седла косули в белом вине, но сейчас многое можно было бы отдать за ту картошку с отварной треской, приправленной пахучим маслом и луковой стружкой. Бабушка, маленькая и ловкая женщина, умевшая делать десятки дел одновременно, рассказывала ей разные бывальщины, пела песни, читала стихи. Она не принадлежала высшему обществу, её университеты – 8 классов сельской вечерней школы и семьдесят лет жизни, вместившей в себя три войны, две социальных революции и бессчётное количество научно-технических прорывов. По её рассказам можно снимать кино.

– В 1916 году её старший брат, с которым они, после смерти родителей, как могли, тянули хозяйство, полюбил молоденькую дочь мельника. Та ответила взаимностью, старый весёлый мельник не возражал (он вообще был изрядный вольнодумец и почитывал всякое), они сыграли свадьбу, нарожали детей. Всё вполне могло закончиться пожелтевшими фотографиями почтенной пары на фоне картонного пейзажа в окружении взрослых внуков, если бы не соперник. Отвергнутый воздыхатель терпеливо дождался Гражданской войны, стал красным командиром, во главе конного отряда бодрым аллюром влетел в родную деревню, где расстрелял товарища во дворе его дома, под черёмухой, на глазах жены и детей. После чего ускакал продолжать борьбу за торжество мировой революции. Больше его не видели.

Ты чуть помолчала, помешивая обжигающий кофе.

– Как-то летом, навещая бабушку в деревне, я вскапывала огород недалеко от старого разросшегося дерева с чёрными ягодами, что росло под окнами. Звякнувший под лопатой осколок металла оказался ржавой стреляной гильзой от трёхлинейки. У меня до сих пор ощущение, что я слышу эхо выстрела. Другого её брата убили Белые.

– Страшные времена.

– Да. Но она не ожесточилась. Ни тогда, ни после.... Давай поужинаем!

Мы заказали баранину с запеченными овощами.

– Купи мне водки!

Я заказал 150 «Столичной» и два тёмного.

– Ого! «Ёрш»?

– Я не буду смешивать. Мы, ирландцы, пьём пиво с виски, но ты захотела водки....

– Так ты ирландец?

– Я и ирландец тоже. Вопросы крови – самые сложные вопросы в мире, утверждал один персонаж.

– Чур меня! С тобой нужно быть настороже! Ирландцы – любители баб и выпивки!

– Таки в точку! Но, по-моему, это цитата из фильма «Дорз».

– Ты смотрел?

– Много раз! Мне очень близок Моррисон, мне кажется, мы чем-то похожи.... Не внешне, конечно!

Ты улыбнулась:

– Да, внешне ты на него совсем не похож!

– Жалеешь?

– Нет.... Ты мне нравишься такой, какой есть.

– Грубая славянская лесьть! А Джим?

– И Джим, – подавшись вперёд, ты положила голову под бородком в ладони, облокотившись локтями о стол, пальцы, сложившись в расслабленные кулачки, коснулись грустной улыбки. – Но фильм ведь не о нём, и не о «Дорз». Фильм о потере веры....

– Вначале так, по-моему, и сказано....

– Может быть, не помню.... Скорее всего, да.

– Согласен. Людям свойственно разочаровываться в том, что было свято. Тогда было разочаровано целое поколение.

– И пусть! Зато до этого оно было счастливо и верило, что сможет изменить весь мир!

– Да. Они отращивали волосы, ездили автостопом, ели ЛСД и отрицали буржуазные ценности родителей. Но это не помешало им через 20 лет возглавлять правительства и корпорации, развязывать войны и пялиться по вечерам в телевизор.

– И снимать отличное кино, писать великие книги и творить замечательную музыку. А ещё рожать детей и учить их добру.

Я поднял руки:

– Сдаюсь! Но, я всерьёз и не спорю с тобой! Я сам думаю так. Люди – разные.

– То-то же! Бойся меня, зануда!

Высокий блондин с усталой улыбкой принёс наш заказ. Я разлил тягучую водку из ледяного, покрытого инеем хрустального графина по миниатюрным рюмкам на тонких прозрачных ножках.

* * *

В одном маленьком городке моей невзрачной отчизны я и мой друг не спеша потягивали дешёвый болгарский бренди за столиком в небольшом кафе, над тёмной атмосферой которого, очевидно, работал мизантроп-минималист. Мой приятель с жаром расписывал мне достоинства нового супер-кара, что в очередной раз выпустили в полу мифической стране с манящим названием.

Я поморщился:

– Не понимаю. Ты с таким восхищением говоришь об этой гряде железа, словно ждал её всю жизнь. И даже способен приобрести. А между тем, у нас нет денег, чтобы заказать ещё! Станный блеск в глазах человека, глядящего на фото дорогого автомобиля, или модной шубки из меха экзотического зверька, отдавшего жизнь за высоко поднятый нос какой-нибудь буржуазной твари, всегда казался мне рождённым гремучей смесью зависти и успехов мира рекламы.

– Это не важно.

Я расхохотался.

– Это не важно, – повторил он с улыбкой. – Во-первых, я возьму ещё, не волнуйся! А во-вторых, пойми, дурень, в жизни человека должны быть не только цели, в ней должна присутствовать мечта! И она, желательно, должна быть такой, чтобы её ни в коем случае нельзя было спутать с целью. Мечта должна быть практически не-до-сти-жи-ма. Наличие мечты и отличает человека от киборга, потому что она иррациональна.

– Странные у тебя мечты....

– Какие есть! – он криво усмехнулся, – Кстати, а у тебя есть мечта?

Этот вопрос меня обескуражил. Я тщетно вглядывался в себя, не находя ничего похожего на мечту, если не считать смутного желания достичь Нирваны и стать бодхисаттвой в этом перерождении... Обидно. Вот у товарища, хотя и пошлая, но есть. У меня нет. Значит, я – киборг. Остаток вечера я был рассеян.

Серым днём той запоздавшей весны я стоял у окна и смотрел сквозь грязное стекло на облезшую коробку дома напротив, словно расчерченную выцветшим маркером на аккуратные квадраты выделенных людям сот. Почерневшие сугробы оплывали во дворе, обнажая всё, чем сограждане ошастливили землю за долгую зиму, в набрякшем небе летали растрёпанные мокрые вороны, за углом кто-то угрюмо матерился. И вдруг, я отчётливо понял, что больше всего на свете я хотел бы жить не здесь.

Мне показалось, это она и есть – мечта. Вырваться отсюда. Я не делал для её достижения ничего: не учил языки, не получал гранты, не обивал пороги посольств, не посещал сайтов сводней процветающих государств Европы, Азии и обеих Америк. Я ни разу не выезжал за границу. Тем не менее, со временем, у неё появилось имя – Прага. Почему? Не знаю. Мой друг сказал бы, что это – не важно. И я думаю, он был бы прав.

* * *

Без всякого сожаления мы покинули эту убогую станцию. – Не знаешь, что означает название «Розтили»?

Ты задумался, коснулся кончика носа длинными пальцами.

– Точно не знаю.... Но парк рядом называется «Горни Розтили» – Верхние Розтили. Географическое непереводаемое. Как «Верхние Васюки».

–Ну, и ладно.

Я взяла тебя за руку.

Выходя из метро, всегда удивляешься дневному свету. Он кажется каким-то беззащитным и неловким после равнодушного электричества, тем более поздней осенью, когда мир так раним в своей убогой наготе.

Ты шёл рядом и совершенно не старался произвести на меня впечатление, даже не пытаюсь начинать так опротивев-

шие мне брачные танцы павлинов, обожаемые мужчинами в обществе женщины. Ты был задумчив и немного рассеян. С тобой было легко. Впервые за долгое время я позволила себе расслабиться.

Мы прошли пешеходным тоннелем под оживлённой автомобильной трассой, ведущей из Праги на восток, взяли чуть левее и вскоре пришли в небольшой ресторанчик под странным названием «Сфера».

– Вот оно, место, свободное от туристов! Пока, – ты распахнул дверь.

Мы сели за столик у окна.

– Ты пробовала утопенцы?

– Я о них даже не слышала, но догадываюсь, что это какие-нибудь местные галушки.

Ты рассмеялся:

– Оригинальное, хотя и в корне неверное предположение.

Но скоро истина восторгается.

Пока ты заказывал пиво, я осмотрелась. Народу в довольно просторном заведении было не много. Старик с седыми висячими усами за столиком в углу, упитанная парочка средних лет, оживлённо спорящая о чём-то и несколько молодых людей за большим столом. Все говорили по-чешски.

– Неужели ни одного туриста?

– Теперь один есть. Это ты.

– А ты?

– Я же тебе говорил, что я – не турист.

– Почему?

– Долгая история.

– Я не спешу.

Ты вздохнул и рассказал мне о Праге.

– Вначале она маячила где-то на задворках сознания. А потом стала набирать силу. Я всё сильнее осознавал, как мало держит меня в родном городе, и как, в сущности, я от него уже далёк, – ты ненадолго задумался, глядя в окно на аккуратно подстриженные кусты.

– Там у меня был один знакомый, причём шапочный. Он работал паталагоанатомом в городском морге и обладал твёрдым убеждением, что все люди, которые живут сейчас рядом, рано или поздно окажутся у него на столе. Как-то он сказал мне: «Вот, смотри, ещё три дня назад Армен веселился в компании молоденьких потаскушек и грязно интриговал против ближайшего конкурента, а сегодня я держал в руках его увеличенную печень». При этом он странно, и, как мне показалось, оценивающе, оглядывал меня. Это и стало последней каплей. Я ни за что не хотел оказаться в больших, покрытых чёрным волосом руках этого неприятного человека. При этом больше всего пугала неотвратимость: останься я там – и всё, что будет дальше, ясно, как божий день. Известно, какая жизнь меня ждёт, со смертью не всё так очевидно, но это как-то не радует, и в конце этот, с мёртвыми глазами. Оставалось одно – бежать без оглядки от этих глаз, от поджидающих латексных рук, из этого жуткого вязкого

болота. Немедленно.

– А семья?

– К тому времени я стал совершенно свободен.

Я перегнулась через стол и провела рукой по твоим волосам. Ты чуть вздрогнул, взглянул на меня вопросительно. Я улыбнулась в ответ, взяла запотевший бокал с изящной талией, делая большой глоток, не отвела глаз.

– Ты уехал навсегда?

– Да.

– И давно ты здесь?

– С месяц.

– Понятно..., – мне показалось, что ты не хочешь больше об этом.

– Ну, и где утопенцы?

Ты оживился.

– Утопенцы нужно заказывать не сразу. Это не вобла. Сначала нужно выпить пару кружек, и лишь когда придёт желание подкрепиться, стоит позвать пана верхнего.

– Уже пришло. Часа два назад.

– Тогда пора.

Утопенцами оказались бледные, острые, пропитанные укусом колбаски с маринованным луком. Их принесли в огромной стеклянной банке, литров пять – не меньше, чтобы уже при нас выудить на тарелки.

– Вкус неожиданный.... Они это едят?

– Они этим закусывают! Не понравилось? Я закажу что-

нибудь другое...

– Нет, всё хорошо. Как закуска – очень хорошо. Никогда не ела маринованной колбасы. Твои чехи – большие шалуны!

– Это ещё что! Мне говорили, что церемония поглощения утопленцев такова: правильный официант приносит банку на стол, непременно облизывает свои пальцы, запускает ручищу в банку, выуживает колбаски, а затем даёт облизать пальцы вам!

– Какое счастье, что нам попался неправильный официант!

– Да, для полноты картины знай, что утопленцы – утопленники по-чешски.

– Кошмар какой!

– Это потому, что они имеют слегка синюшный вид...

– Аппетитно....

Тут из угла, где сидел седой усач донеслось:

– Перестройка!

В зале наступила полная тишина. Я напрягся. Отношение к моим бывшим соотечественникам со стороны чехов было, скажем мягко, неоднозначным. Сам я всегда старался говорить на их родном языке, но он весьма не прост, и меня выдавало чудовищное произношение. Молодые официанты снисходительно улыбались, пожилые – сразу переходили на русский.

Старик поднял кружку и добродушно крикнул:

– Растропович! Путин – курва!

Ты поднял кружку в ответ, улыбнулся мне:

– Нас вычислили! Агентурная сеть раскрыта....

– Пойд ке мне! – донеслось из угла. Чех приветливо махал рукой. Лоснящийся красный нос с головой выдавал пристрастия своего обладателя, – Витейте!

Ты взглянул на меня.

– Пойдём, – я поднялась, подхватив кружку и тарелку с «утопленниками», – Но ты по-чешски говоришь уже, беженец?

– Розумим, млувим. Малеи....

– Ну, и хорошо, – мы двинулись за стол к старику.

Дома я вряд ли стала заводить знакомства с завсегдатаями пивных, но здесь – и пивные и их посетители выглядят чуть иначе. Да и что такое какой-нибудь Карлов Мост без людей? Призрак. Так что будем погружаться в загадочные пучины народных масс.

Когда мы проходили мимо спорящих толстяков, они улыбнулись, подняли кружки, а женщина сказала, тщательно выговаривая буквы:

– Не боитесь, он – хороши! Мы все – хороши!

– Ян Гус! – почему-то ответила я, и все рассмеялись.

Вскоре мы сидели за большим столом вместе со всеми, кто пил в это время в кабачке. Кружки то и дело взмывали вверх, официант едва успевал их приносить и уносить. Как

только у кого-то заканчивалось пиво, тут же на месте пустой кружки появлялась полная.

– Здесь так принято – пока не остановишь, тебе всё время будут приносить ещё!

– Тогда мне стоит притормозить.... А не то осмотр метрополитена может быть омрачён.

Я плохо понимала, о чём мне говорили на языке, в котором изредка угадываются знакомые слова, но сами чехи, особенно кто постарше, в школе учили русский. Не очень, впрочем, хорошо, да и давно. Твои познания в чешском тоже оказались значительно скромнее, чем я полагала, но постепенно взаимопонимание усиливалось. Большая политика примирения наций решалась под тёмное легко, на зависть скучным головам из новостей. Они простили нам танки на площадях, мы им – партизанскую ненависть к оккупантам. Они кричали:

– Достоевски!

Я кричала:

– Кундера!

– Ходна холка! – смеялись они, и опять поднимали кружки.

– Кстати, а что это значит?

– Это значит «хорошая девушка»!

– А как по-чешски «молодцы»?

– «Выборне».

– Выборне! – закричала я и чокнулась со всеми.

Нас совершенно не хотели отпускать, а когда я всё-таки настояла, не дали за себя заплатить, кроме того, взяли с нас слово, что мы непременно придём сюда вновь. «Ахой» – кричали нам вслед, а усатый старик с пунцовым носом, похожий на постаревшего Швейка, всё слал и слал мне воздушные поцелуи, игриво подмигивая.

– Просто сказка какая-то! – сказала я, когда мы вышли на улицу.

– Да! Но не всё так просто.... Такой приём – скорее исключение. Со мной впервые такое.

– А обычно?

– Обычно – гораздо сдержаннее! Может, это ты так влияешь? Ну, хватит загадок, поехали Райску Заграду посмотреть, пока не совсем стемнело. Кстати, знай на всякий случай, что переводится это название как «Сад Эдема».

– Неплохо.... Надеюсь, это совсем не похоже на те сады, что я видела здесь под землёй раньше.

– Вообще-то, это наземная станция!

– Поехали уже, болтун!

* * *

Ты взяла свою рюмку за тонкую ножку, шепнула «прозит», и опрокинула её в рот, как заправский пьяница. Правда, тут же скривилась, обеими руками схватила бокал с пивом, жадно запивая водку большими глотками. Я рассмеял-

ся.

– На здрави!

– Крепко.... Как вы это пьёте в таких количествах?

– Достигается упорными тренировками.

Улыбнувшись, ты принялась за еду.

Твоё умение жить именно в ту минуту, в которой находишься, всецело погружаться в дело, каким занимаешься, всегда вызывало во мне жгучую зависть. Ты поглощала запечённое в чёрном пиве сочное пряное мясо, точно впервые, и так, словно всего остального мира не существовало. Я усмехнулся. Наслаждение кончится – и ты забудешь о нём. Чтобы целиком отдаться следующему.

– Ты сильный. Ты знаешь, что тебе нужно. А ты боишься чего-нибудь? – оказывается, ты уже некоторое время наблюдала за мной. Я смутился, как будто мои мысли были для тебя очевидны, и отложил вилку.

– Я очень боюсь потерять тебя.

– Это приятно. А кроме этого?

Так чего я боюсь по-настоящему, так, как в детстве – высунуть руку из-под одеяла или ночью пройти насквозь старый, поскрипывающий и живой деревянный дом в глухой тайге? Умом, как и тогда – ничего. Но я слишком хорошо знаю, что это ещё не всё.

– Бывает очень страшно. Не знаю, как тебе рассказать, да и поймёшь ли? Это, видимо, что-то с психикой, болезнь какая-то, – я почувствовал, что краснею. – Может быть, от это-

го лечат, я не пробовал. Иногда я боюсь не чего-то конкретного, а боюсь вообще. Забавное такое переживание. Я боюсь выйти на улицу, говорить с людьми даже по телефону, я боюсь своего прошлого, потому что память обязательно подкидывает мне что-нибудь отвратительное. О будущем и говорить нечего. И я ничего не могу с этим поделать, потому что это не страх живёт во мне, а я растворяюсь в каком-то животном парализующем ужасе. И бороться с ним невозможно, можно только затаиться и переждать. Ну, напиться ещё... Эффективно, но потом – ещё хуже.

Я робко улыбнулся, взглянув на тебя:

– Но это очень редко бывает, ты не бойся. Я тихий.

– Напугал! Я знавала буйных.... А ты не пробовал делать так: не прятаться, а делать то, что боишься?

– Так в том-то и дело, что объекта нет! Это чистое переживание, бэд трип без кислоты и причины. Его нельзя победить. Только переждать. Это, наверное, даже понять нельзя.

Вот именно. Зачем я всё это тебе говорю? Может, это своего рода месть? Тогда какая-то детская, нелепая, как сломать любимую игрушку, чтобы сделать больно маме. Глупо. Боль, которую нам приходится теперь делить – обратная сторона нашего с тобой существования. Иначе и быть не могло.

Ты вздохнула, опустила глаза, принялась задумчиво ковырять вилкой в тарелке. Откинулась на широкую спинку дубового стула, тряхнула головой, отбрасывая волосы, и подняла на меня взгляд, внимательный и совершенно ясный.

– Всё равно ты сильный. Ты спас меня. И живёшь с тем, с чем жить, наверное, очень тяжело. А ты справляешься. И ты мне это рассказал. Слабый бы побоялся так шокировать девушку, – ты улыбнулась, потягиваясь, как сытая кошка у очага. Свитер задрался, обнажив волнующую полоску шёлковой кожи с впадинкой пупка. Удивительно, как чувственны бывают самые невинные вещи. В средневековье вид женской лодыжки вызывал эротический шок. Для меня ничего не изменилось.

Ты обняла себя за плечи. Я рассмеялся:

– Ты заставляешь меня думать о себе лучше, чем я есть на самом деле!

– А зачем ещё нужна женщина? Чтобы делать мужчину лучше! Сам он на это не способен... Отведи меня куда-нибудь.

– Например?

– Куда-нибудь потанцевать! Туда где шумно, много людей и не нужно ни о чём думать.

Да, ты, пожалуй, права. Теперь главное – не думать.

* * *

Когда мы вышли из раскрывшихся дверей поезда на остановке Райска Заграда, она была почти пуста, что вполне обычно для предпоследней станции метро в это время суток. Мне нравится здесь. И я показывал тебе всё, и рассказы-

вал, как мог:

– Смотри: перроны расположены один над другим, – я бурно жестикулировал, указывая то туда, то сюда. – Массивные колонны опоясаны зеркальными кольцами, поэтому они не скрадывают пространство, а изменяют его, искривляя и запутывая. Вообще, с пространством внутри этой стеклянной трубы, поддерживаемой синими фермами, творятся странные вещи. Снаружи станция кажется значительно меньше, чем внутри. Плоскости перронов, лестниц, стен, потолков пересекаются под разными углами, создавая новую реальность наяву, как во сне. Алкоголь, конечно, усиливает эффект, – я рассмеялся. – Снаружи станция похожа на современный парусник или подводную лодку с прозрачным корпусом, каменной рубкой и огромными круглыми иллюминаторами, которая всплыла среди типовых зданий спального района. В темноте зрелище – просто потрясающее – сияющая изнутри, с ярко-жёлтыми информационными табло, в окружении фонарей, врезанная в чёрное небо – она восхищает, едва ли не большее, чем Карлов мост, представляющий из себя, в конце концов, просто мост, хотя и довольно старый....

Мне давно не было так легко и свободно. Как возвращение на Родину. Как согреться в мороз. Всё новое в тебе не познавалось, а словно вспоминалось, как бывает, когда подскажут что-либо, и ты с криком «блин, точно!» бьёшь се-

бя ладонью по лбу. . . Ты всё говорил, увлечённо размахивал руками, а я смотрела на тебя, любовалась тобой, удивлялась тебе. . . И боялась тебя. Вернее того, что ты несёшь в мою жизнь прямо сейчас, здесь, в этих Садах Эдема.

Ты стоял передо мной на краю перрона и смеялся:

– Эй, ты здесь?

– Эй, ты здесь? – спросил я, заметив, что ты улыбаешься совершенно безмятежно, и, глядя на меня, думаешь о своём.

Ты вздрогнула, словно очнувшись. Рассмеялась, как школьница, чуть оттолкнула меня, а затем, крикнув: «По-ищи!», не глядя, бросилась назад, где буквально в шаге от нас стоял огромный усатый чех. Даже не успев развернуться, ты налетела на него, ударилась, потеряла равновесие и, нелепо взмахнув руками, упала с перрона.

Дальше всё происходило медленно и одновременно. Закричала истошно какая-то женщина. Обернувшийся усач побледнел и охнул. Ты приподнималась на локтях между рельс. Все остальные, кто находился на станции, замерли. И тут из туннеля ударил в лицо ветер.

Ныло ушибленное колено, саднили разодранные локти. В нос бил густой запах железной дороги, отсылая в детство, к каникулам, вокзалам, и дальше, к тёплому морю и пыльному песку. Мимо пролетел какой-то мусор.

Земля ощутимо задрожала, я приподнялась на локтях,

увидела на рельсах отблеск. «Всё!» – словно кто-то другой за меня подумал, холодно и отстранённо. Сама же я совершенно опустела, и лежала, не шевелясь, словно оцепенев. Один известный английский охотник писал в 19 веке, что не раз видел в Бенгалии, как безвольны ещё живые люди в зубах несущего их тигра. Он называл это «комплекс жертвы».

Чьи-то руки грубо подхватили меня и швырнули вверх. Грохот локомотива всё нарастал. Сидя на полу, я обернулась, до крови прикусила губу – тебя за руки вытаскивал на перрон какой-то человек. Я крепко зажмурилась, а мимо заскрежетали вагоны, резко сбавляя ход. Ты стоял рядом на коленях, что-то шептал, гладил меня по голове. Я бросилась тебе на шею, разрыдалась.

Я стоял на коленях, обнимал тебя, а ты рыдала у меня на груди. По телу волнами пробегала дрожь. Вокруг столпились люди, что-то говорили – я лишь глупо улыбался в ответ. Появилась полиция, огромный мужчина виновато разводил руками, молодая девушка, прижав ладони к лицу, с ужасом глядела на нас.

– Всё хорошо, – сказал я почему-то именно ей. Спohватившись, поправил себя:

– Всешно же в порядке.

На голубоватое стекло, укрывавшее станцию, падали капли дождя. Они сливались, превращались в бесшумные ру-

чейки, сбегавшие вниз, и так – по всему куполу. Это делало станцию чуть уютнее, несмотря на холод, пробиравший до костей.

Я отвёл тебя в кафе на третьем этаже, где заказал горячее вино, кофе, сливовицу и виски. На чёрном столе горела свеча в прозрачном стакане, ты смотрела на танцующий огонёк, мы молчали. Почти все места были свободны, нам никто не мешал.

Внизу пришёл поезд – ты вздрогнула.

– Боишься?

– Нет, наверное. Так, нервное.... Вот, стихами заговорила.... Просто странно – одна нелепая случайность – и всё.... Ни вина, ни свечи, – ты выпила виски, запила вином. – Если бы не ты.

– Если бы не я, ты бы вообще здесь не оказалась!

Ты помолчала.

– Это было бы страшное упущение в моей жизни. Которая и сама, скорее всего упущение.

– Перестань. Скажи лучше, ты не хочешь отдохнуть, поспать?

Ты улыбнулась:

– С тобой?

Я смутился:

– Я имел в виду твою гостиницу.... После всего этого...

– Жаль.... Меньше всего я сейчас хочу остаться одна в четырёх стенах. Лучше закажи ещё виски, а потом пойдём

куда-нибудь. Всё равно куда – нервы лечить. И праздновать второе рождение!

Я слегка опешил:

– Ты меня поражаешь! Только что чуть было.... И вдруг – такая прыть!

– В 19 веке я, вполне возможно, слегла бы на месяц, а затем поехала бы лечиться на воды в Баден-Баден. Но сам понимаешь – космическая эра, постиндустриальное общество....

– И всё же..., – я сделал неопределённый жест, который должен был выразить восхищение пополам с изумлением, и заказал ещё виски.

Закурив, я вспомнил, что у меня в кармане с утра лежит буклет, который мне сунули в руки на каком-то перекрёстке. Я положил его на стол.

– Что это?

– Это реклама джазового фестиваля. Сегодня как раз один из концертов, – я взглянул на часы. – Примерно через час.

– Дорого?

– Нет. А тебе нравится джаз?

– Не знаю. Я его не слушаю. Вот и будет повод познакомиться! А тебе?

– Я – как раз твой случай! Будем знакомиться с ним вместе.

– Тогда поехали!

Мы звонко чокнулись, выпили, и, расплатившись, спусти-

лись на перрон.

Ты остановилась далеко от края, прижимаясь к перилам ограждения.

– Не бойся, – я тихо обнял тебя за плечи. Отпустив перила, ты прижалась ко мне, постояла так с минуту, а потом подняла голову. Я осторожно поцеловал тебя, и ты ответила. Это был очень нежный поцелуй. Первый наш.

Подошёл поезд. Взявшись за руки, мы вошли в вагон. Райска Заграда – вторая станция ветки, кроме нас пассажиров не было, мы сели рядом. После первого поцелуя обычно трудно остановиться. Мы не сдерживались. Мы искали понимание тел, которые, не зная друг друга, шли на ощупь осторожно и не очень, ошибаясь, путаясь, но продолжали и радовались, обретая. Твоё тело оказалось тонким и гибким, сила угадывалась под ладонью, эта сила не была явной, она обещала. Под всем городом – не отрываясь друг от друга и не говоря ни слова.

Когда объявили Карлово намести, мы с шальными глазами вывалились на перрон, немного постояли рядом, приходя в себя.

– На джаз? – сказала я, наконец. Мой голос звучал ниже, чем всегда. Ты улыбнулся, повёл меня наверх.

На улице уже совершенно стемнело – насколько это возможно в вечерней столице. Мы пересекли довольно оживлённую улицу, чтобы выйти на огромный, современной по-

стройки мост через Влтаву. Чуть не дойдя до его середины, я остановилась, положила руки на холодные мокрые перила. Набережные, мосты, дома на обоих берегах были ярко освещены, отблески огней искрились на чёрной воде.

– Как здесь красиво! – сказал ты.

– Да.... Даже страшно подумать.... Точнее невозможно представить, что всё это могло бы быть без меня. И без тебя.

– Когда-нибудь обязательно будет.

Я засмеялась и хлопнула тебя по плечу:

– Да, ну тебя! Умеешь поддержать «в минуту тягостных раздумий»!

Взяв под руку, я потащила тебя через мост, словно знала дорогу.

– Ты только представь хоть на секунду, что всё вокруг есть, а тебя нет! Эта холодная река; там, за тучами – звёзды и луна; солнце где-то несётся в пустоте; эти фонари, перила, речные трамваи, машины – всё это существует, изменяется, живёт, а ты – нет. И нет никакого «ты». Даже тени твоей, воспоминания о тебе, даже места, где ты был – нет! Это даже не страшно, это.... – я остановилась, выпустив твою руку, подняла на тебя глаза. – Это очень обидно. Отчаянно обидно!

Ты молча обнял меня, а я опять разрыдалась. Ты осторожно гладил меня по голове и шептал что-то успокаивающе-утешающее, как маленькой. Наконец, слёзы иссякли, ты подал мне тёплый носовой платок, я вытерла лицо и высморкалась.

– Вот, развела тут слёзы-сопли! – улыбнулась ты заплаканными губами.

– Ты имеешь на это полное право.

– Ну, и ладно. Пошли, где тут джаз подают!

– Пойдём, – я взял тебя за руку.

Пройдя по мосту, мы повернули направо. Я повёл тебя по набережной.

На мостовой у фонаря ссорились двое. Если не считать эту пару, набережная была пустынна, что легко объяснить удалённостью от центра и отсутствием общеизвестных достопримечательностей.

Издали было слышно, как спорят мужчина в красной толстовке, коренастый, крепко сбитый, и субтильная женщина с какими-то странно-белыми волосами. Причём говорила в основном она, человек в красном с удивлённо-отсутствующим лицом больше слушал, не меняя позы, одновременно монументальной и какой-то обречённой. Когда мы подошли ближе, стало возможно разобрать слова:

– ...Ну, как ты так можешь!? Ты не уважаешь меня! Гадости говоришь перед друзьями. Как мне себя вести? – она всхлипнула. – Ты даже не замечаешь, как унижаешь меня. Тебе наплевать, что я чувствую, тебе всё равно....

– Это не так, – возразил он с нажимом.

– Так! – крикнула она, нелепо взмахнув длинными рука-

ми. Он поморщился.

– Послушай, разве затем мы приехали сюда, что бы стоять на этой набережной и говорить вот об этой чепухе?! Так можно было провести время и дома. Посмотри вокруг!

– Да плевать мне на всё, что вокруг! Ты идиот! И друзья твои – идиоты! Я никогда не думала, что у нас с тобой всё будет вот так! – она всхлипывала, отвернувшись и закрыв лицо руками.

Ты крепко ухватила меня за локоть и, ускорив шаг, протащила мимо них.

– Какая невозможная, вымученная, драматургическая пошлость.... У нас так никогда не будет! – и, вдруг, почти крикнула:

– Смотри – утки! – на газоне слева топтались утка и селезень. Ты остановилась, как вкопанная, указывая на них и восхищённо улыбаясь. – Если убрать Прагу, оставить только этих птиц и траву – ничего для них не изменится! Ничего совершенно! А вот сейчас я к ним подкрадусь!

– Не пугай их!

– Да, ну тебя! – ты опустилась на четвереньки и осторожно поползла к птицам. Они тут же насторожились, повернули к нам точёные головки.

– Трава мокрая – простудишься!

– Молчи, зануда! – обернувшись, шепнула ты. Птицы, недовольно переваливаясь, отошли дальше. Я улыбнулся. Прага, осень, одна русская пара ссорится под фонарём, вто-

рая преследует уток. За что нас не любят европейцы?

– Глупые птицы! – сказала ты, вставая и пытаясь отряхнуть джинсы, намокшие на коленях. Потом выпрямилась:

– Это нелепо, да?

– Да, нет же, – я рассмеялся. – Это очень мило. Забавно.

– Ах, тебе было забавно?! Каналья!

Ты нападала – я отскакивал, отбиваясь от шутовских атак, ещё более комичных из-за разницы в росте, а потом крепко обнял, прижав твои руки к телу. Ты подняла голову, и я увидел твои огромные зрачки, отразившие свет фонарей.

– Скажи, что мы не будем так глупо ссориться. Как эти, – ты мотнула головой в сторону.

«Как быстро мы с тобою сговорились», – мелькнуло в голове, но я ответил то, что должно:

– Конечно, нет!

– Хорошо. Отпусти меня, – сказала ты чуть резче, чем стоило – я тут же разжал руки. Ты отступила на шаг, с секунду глядела на меня исподлобья, потом повернулась, и пошла вперёд, где уже была видна сияющая неоновым вывеска «Джаз док», повторённая изломанным отражением в мерцающей чёрной воде.

Когда мы спустились по деревянным ступеням к прозрачной двери, выяснилось, что свободных мест нет. Ты расхохоталась.

– Почему ты смеёшься?

– Ну, как же! Стоило пройти половину Праги, промокнуть

насквозь, чтобы упереться в закрытые двери! Это могло случиться только со мной!

– Не только... – заметил я.

– Только – не только..., – скривилась ты. – Что дальше делать будем? Не май месяц – холодно!

Честно говоря, я не знал ответа. Будь сейчас июль – никаких проблем – по Праге можно гулять всю ночь, и не хватит, тем более с девушкой, пусть немного странной, зато необычной. Летом в этом городе легко можно остаться вдвоём прямо под открытым небом даже в центре. Но вокруг – ноябрь, с Влтавы тянул ледяной ветер, и романтику губил предательский озноб. Запасных вариантов я не готовил. И тут, как часто бывает в такие моменты, на помощь пришло то, что устраивает всё, как надо. Стекланные двери «Джаз дока» открылись, и оттуда вышла пожилая пара – симпатичный старик в шляпе и его спутница с заносчивым лицом. Мы посторонились, а они, приняв вежливость, как должное, поднялись по лестнице на набережную. Охранник с сомнением оглядел нас, но всё же махнул рукой, видимо сжалившись:

– Задейте!

– Декуи, – поблагодарив его, мы прошли в небольшой зал, полный людей, которые курили, пили, ходили туда-сюда, разговаривали на разных языках, танцевали, а над ними и сквозь них звучал лёгкий, дурманящий бит, неуловимый, как выдох марихуаны.

– Кто играет? – спросила ты.

Я взглянул на небольшую сцену в конце зала. Несколько колоритных джентльменов в белых костюмах и галстуках-бабочках самозабвенно колдовали над роялем, гитарой, саксофоном и контрабасом, а хрупкая девушка с явными негритянскими корнями пела.

– Джазмены какие-то, – пожал плечами я. – И одна джазгёрлина. Я их не знаю.

– А ты часто здесь бываешь?

– Сегодня – второй раз в жизни. – Я не знаю, нравится ли мне джаз, но мне нравится это место. Потому что здесь красиво. И атмосфера правильная. Керуаковская.

Отблески жёлтого, зелёного, красного на лицах, запах хорошего табака и дорогих духов, чёрные столы, бордовые стеклянные стулья замысловатой формы, абсентовая барная стойка, огромные витрины с чёрной Влтавой и речными трамваями в гирляндах огней – всё пронизано музыкой, которая сочится сквозь пальцы. Здесь можно легко потерять опостылевшую память, или наоборот, вспомнить давно забытое, глядя на отблески в волнах холодной реки.

Проездом через всё.

Композиция закончилась, раздались аплодисменты. Я наклонился к твоему уху:

– Нравится?

– Здорово здесь. Но я не могу согреться... – ты улыбнулась и поёжилась.

– О, господи, прости, пожалуйста, ошалел совсем от всей

этой роскоши! Хочешь кофе с виски, по-ирландски?

Я благодарно кивнула, и ты, обронив что-то вроде «Жди здесь, никуда не уходи», протиснулся к стойке.

На сцене совещались музыканты, непринуждённо, словно наедине. Я не уловила момент, когда их спор превратился в новую тему. Контрабас, мягко ступая кошачьими лапами, прошёлся по залу, затем на очень высоких нотах вступил рояль, без конца повторяя короткую фразу, полную тоски и отчаяния. Стало очень грустно, как будто теряешь что-то навсегда.... Я нашла глазами твою спину – ты объяснялся с барменом, улыбнулась. Ты обернулся, помахал мне рукой. Я раскрыла ладонь тебе в ответ.

Потом мы пили горький кофе с виски, я согрелась. Слушали музыку, пили ещё виски – уже без кофе. А я смотрела на твои спутанные волосы, и отвечала невпопад.

Когда я проходила у тебя за спиной, то не удержалась и тихонько провела рукой по твоим плечам. Ты замер.

Я давно забыл, что такое нежность.

А ты улыбалась мне так хорошо и просто. Без второго дна и тайной мысли, искренне и только мне. Потом ты ушла, а когда вернулась, я встал, чтобы поцеловать тебя. Ты ответила.

Мы танцевали наш первый танец, и каждый пытался вести – выходило неловко и смешно; ты, во всяком случае, весе-

лилась от души. Когда я перестал корчить из себя мачо, стало получаться лучше. Старик в белой тройке поднял бокал в нашу сторону, я кивнул ему в ответ. Казалось, все вокруг – друзья. Твоё тело – так близко, я касаюсь его, удивляясь теплу. Мы так податливы... Шаг навстречу – ты ускользаешь, но не уходишь. Твои ладони скользят по моим плечам вверх, смыкаются в волосах. Я чувствую твою грудь. Ты дразнишь меня. Я с удовольствием распускаю руки. Ты смотришь мне в глаза, двигаешься чувственнее. Когда музыка заканчивается – мы продолжаем танцевать. Ты откидываешься назад и хохочешь, а я держу тебя, и добрая Влтава качает нас.

– Пойдём ко мне!

– Пойдём. А как это будет по-чешски?

– Пойд ми некам, кде будемо сами.

– Это наверняка не точно, но красиво.

– Это лучше. Это значит «пойдём туда, где мы будем одни». Но у них это звучит лучше.

– Лучше. Я выучу чешский, чтобы говорить с тобой.

– Говори со мной!

– Я говорю! – я рассмеялась.

Мы вышли, за дверью ноябрь встретил нас, как положено.

– У меня дома снег лежит с октября.

– А у меня нет дома. У меня, – ты оглянулся, – у меня всё, как есть.

– Сыро и холодно?

– Посмотри вокруг!

– Убедил!

Мы шли по мокрой набережной, обнявшись, пытались поймать шаг друг друга, что было совсем нелегко. Я прошептала:

– «Завтра познает любовь не любивший ни разу,
И тот, кто уже отлюбил, завтра познает любовь».²

– Что? – переспросил ты.

Услышав шелест шин позади, я вскинула руку. Ты обхватил меня, поднял над землёй:

– Стой, погоди, у меня кончились наличные!

– А у меня – нет! – я на весу ещё раз взмахнула рукой.

Притормозив, рядом остановилась жёлтая Шкода. – Садись, говори куда ехать, я ведь не знаю, да и знала бы – не смогла б объяснить!

Мы забрались на заднее сидение, ты назвал адрес. Я разобрала только слово «глобус».

– Ты посоветовал ему купить глобус?

Я обнял тебя:

– Конечно. Самый лучший и подробный глобус Чехии, где обозначены места, где можно встретить девушку, самую прекрасную из всех.

Ты поцеловала меня, и вся поездка по ночной Праге, из

---

² Анонимная римская поэма второй половины II – первой половины III веков "Всенощная Венеры".

конца в конец, прошла без нас. Мы задыхались, и где бы занять ещё пару рук, не хватало губ, было чуть неловко перед водителем, но он, наверняка видевший и не такое в этом даунтауне Европы по ночам, лишь невозмутимо прибавил громкость магнитолы, в которой радиоволны превращались в пульсирующее:

«Knock, knock, knocking on the Heaven door».

Мы вышли у входа на станцию метро Розтили. Милош, таксист, предлагал подъехать к самой гостинице, но мне хотелось пройтись.

Я так хотела тебя!

Мы шли по пустой аллее сквозь предрассветный парк, держась за руки, как влюблённые подростки. Ещё не погасшие редкие фонари вдоль полосы потрескавшегося асфальта освещали спящие деревья. Слегка потеплело, так что было легко представить, будто вокруг не поздняя осень, а очень ранняя весна, когда нет листьев, травы, цветов, но вот-вот, и появятся.

Я потянула тебя в сторону, подальше от света, прислонилась спиной к шершавой коре, скользнула чуть заметно пальцами по твоим губам, медленно опустилась на колени.

Когда всё кончилось, ты подняла голову и улыбнулась широко и светло. С таким лицом счастливые христиане смотрят на купола, блестящие на солнце.

С тобой всё – естественно.

Я сел на мокрую землю рядом, взял в ладони твоё лицо, расцеловал эти сияющие глаза, волосы, губы... Ты прижалась лицом к моей груди, спросила:

– А как по-чешски сказать «люблю»?

– Милую.

– Волшебнo... Я запомню.

Я проснулся на самом краю узкой постели в своём убогом номере захолустной гостиницы на окраине. Ты лежала рядом, отвернувшись к стене, обняв колени, и смешно вытянув шею. За окном лил дождь. Он барабанил по жестяному откосу, разбивался о мостовые, крыши, набережные, сливался с Влтавой, наполнял комнату звуком, под который невозможно спешить. Пахло ночью, проведённой с женщиной и терпкой осенней влагой.

Я осторожно провёл по твоей шее кончиками пальцев. Кожа была нежной, шелковистой, её хотелось гладить снова и снова. Поцеловав твоё плечо, я вдохнул твой запах – молоко и летнее солнце в полдень, среди заливных лугов, когда нет ветра, а жужжание пчелы – самый громкий звук. Я глядел на тебя, впитывал тебя, удивлялся твоему присутствию после стольких лет одиночества, а ты спала, крепко сжав мою руку в ладонях, спала так сладко, что жаль будить.

«Завтра познает любовь не любивший ни разу. И тот, кто уже отлюбил, завтра познает любовь», – Шепнула ты вчера.

Я вспомнил, откуда это. Фаулз цитировал римские стихи в книге о том, что кроме любимых людей у человека нет Родины.

Ты повернулась во сне, положила голову мне на грудь, обняла меня.

Здесь, в чужой стране, где у нас нет ни корней, ни времени, мы были близки абсолютной близостью существ, беззащитных перед огромным миром с его точно выверенной судьбой. Равнодушная пустота за стенами дарила номеру уют заполярного зимовья. Временное пристанище с казённым интерьером стало домом. Без тебя, между прочим, я этот номер домом не считал.

Открыв глаза, ты улыбнулась, поцеловала меня, откинулась на белые подушки и потянулась:

– Привет! Я хочу приготовить для тебя завтрак!

Я рассмеялся:

– Это – гостиница, крошка! Кухни в номере нет!

– Экое свинство! Так ломать давным-давно сложившуюся традицию первой ночи... Точнее утра, – снова потянувшись, ты сладко зевнула. Сползшее одеяло открыло грудь и родинку у правого соска.

– Знаешь, у утра есть ещё традиции....

– Кажется, я знаю эти традиции. «Мальчик: «Да!». Девочка: «Нет!». Мальчик: «Как нет? Как нет?! Да, да, да!», – засмеявшись, ты натянула одеяло до подбородка, поджала ноги.

– Да, да, да! – прокричал я, отшвырнул одеяло на пол, одним рывком поставил тебя на четвереньки. Ты изогнулась, чтобы взглянуть на меня:

– Какая ненасытная страсть кипит за этим невозмутимым фасадом!

– Особенно, когда перед ним такой задний двор! – проворкотал я.

Ты громко стонала, потом стала кричать, извиваться, бить ладонями по кровати, синкопируя толчкам внутри твоего тела. Звукоизоляция в номерах – никакая, соседям приходилось, видимо, не сладко, но тебя ничто не смущало. «Какого чёрта, я их даже не видел никогда», – подумал я, и ускорил темп. Ты упала на грудь, смяла руками простынь....

Я стоял под колючими струями горячей воды, а ты сидела рядом на кафельном полу, безмятежно улыбалась, и смотрела на меня счастливыми глазами.

– Обожаю, когда симпатичный мне человек становится моим любовником! Отпадают ненужные условности, навязанные дурацкими дураками, и можно, наконец, просто наслаждаться друг другом.

– Да, что там наслаждаться – поговорить, наконец-то, можно по-человечески! – рассмеялся я. – А то каждый разговор – как дуэль.

– Да, есть что-то извращённое в том, чтобы вести светскую беседу с тем, кого хочется тихо и нежно изнасиловать!

– Хорошая мысль!

- Не моя. Я нашла её на бескрайних просторах сети.
- Ну, хуже она от этого не становится. Да и ты тоже.

Говоря по совести, последние сутки прошли довольно бурно даже для меня. Пиво, виски, водка смешивались в произвольных пропорциях в головокружительный коктейль, утренняя реакция на который была предсказуемо гадкой. Если бы не сделанный сразу по пробуждении добрый глоток виски из бутылки, предусмотрительно оставленной на прикроватной тумбочке, эта реакция могла зайти постыдно далеко. Я ощущал себя законченным алкашом, но сегодня позволить похмелью приковать себя к постели не мог. Улучив момент, я принял ещё одну дозу тёплого ирландского лекарства прямо из горлышка, и мы спустились вниз.

Мы завтракали в ресторане отеля в то время, когда чехи обычно обедают. Знакомый молодой официант с винтажными подкрученными усами, привыкший к моему одиночеству, подмигнул двумя глазами сразу, когда увидел меня в обществе красивой девушки, а я изобразил улыбку в ответ. Ты заказала французский завтрак: кофе с тостами и джем. Я остался верен себе:

– Полевку, просим!

Ты звонко рассмеялась на весь зал:

– Ты питаешься мышами?

– С чего ты взяла? – с чувством юмора у меня сегодня были проблемы.

– Ну, ты ведь заказал «полёвку»!

Я щёлкнул тебя по носу:

– Сама ты мышь! Полевка – по-чешски «суп»!

– Забавно.

– Это не самое забавное в их языке. Свежий – чёрствый, овощи – фрукты, самолёт – летаadlo....

– Это они специально придумали, чтобы кляти москали запутались.

– Возможно. Знаешь, им наш язык кажется не менее забавным.

– А они понимают по-русски?

– Практически все. Но в связи с комплексом малого народа, притесняемого «большим братом», делают вид, что не понимают. Однако, хорошие чаевые память, обычно, возвращают. Интересно, что по-немецки говорят хорошо и охотно. Видимо, на Гитлера они в меньшей обиде, чем на нашу коммунистическую братию.

– Русские натоптали здесь позже. Обида – свежее.

– Может быть.... Мне эти обиды вообще смешны. Коммунисты проехали по Чехословакии на танках лишь весной 68го. Мою Родину они насилуют до сих пор. Я чувствую себя более пострадавшим. А если выставлять счета к нациям – то окажется, что все всем должны. Те же чехи адмирала Колчака, Верховного Правителя России большевикам сдали.

– А Сталин – вообще грузин!

Я поднял кружку с кофе:

– За дружбу народов!

Мы чокнулись.

Полевка в этот раз оказалась нежным картофельным супом-пюре с грибами, тонкий лесной аромат которых приятно щекотал ноздри. Обожжённые внутренности преисполнились благодарности.

Доедая, я спросил:

– У тебя есть какие-нибудь планы на сегодня?

– Нет, а у тебя?

– Может быть.... Один приятель-работодатель пригласил меня на встречу. Я приглашаю тебя пойти со мной. Ничего официального, не бойся.

– С тобой – куда угодно, – ты улыбнулась улыбкой сытой кошки. – Пойдём.

Приятеля звали Жан, он был сорокалетним французским евреем с житомирскими корнями. Этот очень богатый, много пьющий и расточительный человек, терпеть не мог скрипку, стоматологов, юристов, торговлю – словом, являлся позором нации. Он не читал Тору, не посещал синагогу, и вспоминал о своей исключительной национальной принадлежности в двух случаях: либо в приступе истерии меланхолической, либо – юмористической. Мы же – его знакомые, частенько подтрунивали над ним, картавя и вворачивая к месту и не к месту бердичевские обороты.

Познакомился я с ним случайно.

Мы сидели в уютном закутке кабачка Потрефена Хуса, где бутылки Старопрамен приклеены донышками прямо к стене, когда один из нас кивнул на вошедшего:

– Это же Жан! Жан, таки здгавствуйте! – крикнул он ему.

– Шолом, – улыбнулся в ответ Жан, присаживаясь за наш уставленный кружками и тарелками столик.

– Доннер веттер, – пробормотал он, заказав виски и тёмного.

– Вы – немец? – спросил я по-немецки. Раздался дружный смех.

– Если Жану выколоть татуировки гербов всех стран, выражения которых он использует в свой неестественно вычурной речи, на нём живого места не останется, включая интимные участки. Он космополит! Но не полиглот. Кстати, по-немецки он знает кроме этого «доннер веттер» только «хенде хох»!

– Неправда, – запротестовал Жан. – Мои познания в языке Гёте неизмеримо богаче – я знаю идиому «альтер кнакер»!

Встреча незаметно переросла в пирушку, а когда оказалось, что Жан владеет небольшим издательством, я решился подсунуть ему пару страниц своей повести.

«На холсте появился Город: белый, в окружении высоких гор. Солнце слепило бликами с тонких шпилей, и отражаясь в оконном стекле домов...», – задумчиво повторил он первую строку, закончив чтение.

– Очень красиво, – он повернулся ко мне. – А можно озна-

комиться со всем произведением?

– К сожалению, нет, – я замялся. – Повесть не окончена, и неизвестно будет ли.

– Почему это?

– Знаете, последнее время я очень стеснён в средствах, скорее всего мне придётся начать работать, вероятнее всего физически, и, боюсь, у меня не будет ни времени, ни сил.

Жан потёр лоб, задумавшись. Затем отхлебнул из кружки и сказал:

–Добре. Мне кажется, у вас может получиться хорошая повесть. Найдите время, зайдите ко мне на днях – если мы сойдёмся в условиях, то заключим договор, и я выплачу вам небольшой аванс.

Я совершенно опешил, зато наши приятели, притихшие было, подняли гвалт:

– Не дай себя обмануть!

– Не позволяй этой жидовской акуле сожрать тебя!

– Бейся за каждый грош!

И всё в таком духе. Жан вновь повернулся ко мне:

– Вы должны понимать, что это – не благотворительность, а контракт. Я плачу вам деньги за талантливое произведение. Это бизнес. Как говорится, ничего личного!

Я кивнул.

Узнав его поближе, я понял, что он лукавит. Многих своих друзей он поддерживал деньгами, покупая у них абсолютно бездарные стихи, романы, картины, инсталляции, так что

бизнес, строго говоря, не был для него основным критерием. Видимо, он – последний из могикан, Чингачгук меценатов.

Деньги достались ему неожиданно. Дядя, которого Жан никогда не любил и видел лишь раз, потерял единственного сына в страшной автокатастрофе. Как говорят, стечение обстоятельств: Феррари, дерево, кокаин и водка. Кроме несчастного бедолаги и племянника убитый горем престарелый мультимиллионер наследников не имел, так что очень скоро Жан стал обладателем огромного состояния. Сам Жан ничего особенного не ощутил, это что-то арифметическое: было мало, стало много. Он этих денег не зарабатывал и не знал, а потому пользовал счёт легко и доверчиво. Но сколько ни тратил, не мог серьёзно уменьшить капитал. Тот лишь рос, причём не благодаря владельцу, а скорее вопреки.

Кроме прочего, Жану достался небольшой дом, выстроенный в какие-то древние времена на одной восхитительной улице в Градчанах. Туда-то мы и направились.

Взявшись за руки, мы шли по серой брусчатке узкой мостовой мимо двухэтажных домов, прихотливо оригинальных, старинных, словно войдя в невидимую дверь, вдруг оказались в одной из сказок Андерсена, которые я так любила в детстве. Эти окна, наверняка, помнят, как плавился иней под разогретым в ладошке пяточком. А там!...

У двухметровой стены из отёсанных валунов стояла на кованых ножках скамейка потемневшего дерева, для дво-

их, слева от неё – тонконогий чугунный фонарь, а справа – каменная чаша питьевого фонтанчика. С высоких деревьев чёрными ветвями подметавших небо, нёсся вороний грай, оттеняя тишину.

– Как здорово! – выдохнула я, присаживаясь.

Ты посмотрел на меня, как художник: пристально, оценивающе:

– Вы так подходите друг другу. Ты и Европа.

Я улыбнулась.

Эту секунду я не забуду никогда. Эта скамейка, этот фонарь и ты запечатлены теперь во мне вечной фотографией.

Ты сидела под фонарём, положив руки на колени, улыбаясь. Я сел рядом, осторожно обнял тебя за плечи.

– Ты заключил с ним договор? – невпопад спросила ты.

Меня немного покоробил подход, я убрал руку:

– Да, он выплатил мне аванс. Но договором это можно назвать с большой натяжкой: одна страница текста. Скорее – уговор.

– Ну, хорошо, ты – писатель. Ты печатаешься? Кроме того, что хочет издать Жан?

– Нет. Я убеждён, что писатель – это тот, кто пишет.

Ты хмыкнула:

– Звучит увесисто. А о чём ты пишешь?

Я рассмеялся:

– Извини, дурацкий вопрос!

– Да ладно, меня интересует сюжет!

– Потом читать не интересно будет.

– Читать я буду форму.

– Да? Ну, тогда слушай, – я откашлялся, чтобы голосом, каким рассказывают сказки, продолжить: – Давным-давно Город был скрыт туманом, который никогда не рассеивался, год за годом всё плотнее укрывая улицы и дома своим сырым пологом. Большинство горожан привыкли к нему, перестали его замечать, и стали его частью. Но несколько человек не смирились с очевидным, и сильно от этого страдали. Их стремления к солнечному свету никто не понимал, потому что все давно забыли, как он выглядит. И вот, услышав легенду, что где-то совсем недалеко есть Пещера, пройдя которую насквозь, обязательно окажешься в месте, где тумана нет, они отправились в путь.

Ты выждала немного:

– Это всё?

– Хочешь, я изложу тебе сюжет «Идиота»?

– Нет, пожалуй, – усмехнулась ты, – а чем кончается твоя повесть?

– А вот это пока секрет.

– Но большая трагическая любовь там присутствует?

– Обязательно!

– Хорошо.

Здесь, под фонарём, время остановилось ещё до нас. Всегда кричали вороны, твоя рука всегда была в моей. Холодно.

– Пойдём?

– Пойдём.

У полного до краёв бетонного стакана рядом с бронзовой колонкой ты долго смотрела на воду. Забыв обо мне, ты шевелила губами, замерла, а потом ударила по чёрной воде ладонью. Мир, отражавшийся на поверхности, пошёл волнами, смешался, исчез и расплескался по камням.

– Ой, – ты словно очнулась. – Ничего?

– Ничего.

Взяв под руку, я повёл тебя прочь от высокой стены-террасы, что царила над всем районом, по извилистой мощёной улочке, круто забиравшей вверх, мимо окон, что ниже наших глаз, к дверце под кованым фонарём.

– Он живёт в этой сказке?

Я кивнул.

– Неплохо устроился твой приятель-работодатель! – ты коснулась массивного кольца, служившего ручкой.

– В общем, да. Но сам он не придаёт этому такого значения, как мы. Есть и есть. Он и в нашем номере чувствовал бы себя отлично.

Я тихонько улыбнулась этому «в нашем номере». Мурашки бегут по телу, когда видишь, как «моё» превращается в «наше».

– Я тоже там себя отлично чувствую, – сказала я. И с удовольствием добавила:

– В нашем номере.

Дверь отворил высокий грузный брюнет с вытянутым добродушным лицом, украшенном огромным носом и печальными глазами сенбернара.

– Бонжур... мадемуазель, – сказал он, склонив голову, так что стала видна наметившаяся лысина.

– А может быть, я – мадам?

Хозяин бросил на тебя быстрый взгляд:

– Как вам будет угодно. Но по вам не скажешь. Впрочем, это всё равно.

– Да, всё равно... Гуттен так.

– Самое время представить вас друг другу, – вмешался ты. – Лиза, это Жан – буржуй, пьяница и развратник. Жан, это Лиза, самая прекрасная девушка из всех. Кстати, имей в виду, что если ты попробуешь протянуть к ней свои загрёбущие лапы, то я их запросто отрублю.

– Очень приятно, – Жан поцеловал мою руку, улыбнулся тебе и провёл нас в дом.

– Лиза, вы знаете, что Илья – типичный русский хам? Но чертовски талантлив, за что я прощаю ему его выходки.

– Жан, я типичная русская хамка, так что мы – два сапога пара.

– Вам, Лиза, можно простить вообще всё, что угодно за светлую красоту! Но я пропал – два милейших хама на мою бедную еврейскую голову!

– Не бойся, мы сегодня тихие, – ты упал в кресло. – До-

вольно любезностей, угости нас лучше своим превосходным кофе из личных запасов, мы замёрзли, пока добрались до тебя, как бродячие магаданские собаки.

– Айн момент! – Жан скрылся в боковой двери.

Его кабинет был так же мал, как и все комнаты в этих крохотных домиках на Новом Свете. Вдоль стен – антикварная мебель, уставленная старинными артефактами вроде астролябии, печатной машинки, песочных часов, столовых приборов, игральные карты и прочего хлама, оставленного за ненадобностью молодым веком. Мерцающий Эппл на журнальном столике, помнящем перчатки дам эпохи Наполеона, выглядел здесь, как танк при Ватерлоо. Напротив стояли два кресла и диван на гнутых золочёных ножках. Я опустилась на диван. Ты сел рядом.

– Странно, что нет прислуги.

– Ничего странного. Миллионер Жан – хипповый романтик до мозга костей. Он на дух не выносит буржуазность во всех её проявлениях.

Вернувшийся хозяин поставил на стол серебряный поднос с микроскопическими чашечками, молочником и медной туркой такого вида, что сразу становилось ясно: она старше всех присутствующих вместе взятых.

– Мне сказали, вы не выносите буржуазность. А как же это, – я обвела глазами антикварное изобилие.

– Это – выношу. Легко, – улыбнулся Жан. – Угощайтесь! Кофе завораживал.

– Вы прекрасный баристо, Жан!

Он улыбнулся.

– Спасибо. Но лучшей благодарностью для меня стало бы ваше разрешение перейти на «ты».

Ты рассмеялся:

– Жан, если ты не перестанешь ухлёстывать за чужими женщинами, тебя когда-нибудь побьют!

– Мой подслеповатый друг! Ты, видимо, просто не углядел разницы между ухаживанием и учтивостью! Советую купить очки!

– А я советую тебе жениться на чеченке, которая своей свирепой ревностью укротит твою любвеобильную натуру.

– А я, в свою очередь, посоветовала бы вам обоим зарубить себе на носу, что я влюблена. А когда я влюблена, другие мужчины для меня не существуют.

– Ты влюблена в меня? – Жан прижал ладони к груди и встал.

– Нет, – я посмотрела в твои глаза. – Я влюблена в него.

Ты замер с чашкой в руке.

Я поцеловала твои губы – они пахли кофе.

– Прекрасно, дети мои! Слёзы умиления выступают на моих глазах всегда, когда я вижу настоящую любовь, – сказал Жан чуть иронично.

Я обернулась к нему:

– А я вот не знаю «настоящей любви». Дурное понятие, оно допускает, что есть любовь «ненастоящая». Так не бы-

вает.

Жан мягко улыбнулся, подошёл, взял мою ладонь своими большими руками.

– Лиза, ты романтик! Парадокс, но в современном мире романтического мужчину встретить значительно проще, чем романтически настроенную женщину. Я тебя непременно отобью у этого мужлана.

Я отняла руку, села в кресло.

– Спасибо, Жан. За кофе.

Возникла пауза, естественно неловкая, как бывает всегда, когда высокая духовность касается своим невесомым крылом более двух человек разом. Некоторое время тишину нарушало лишь умиротворяющее тиканье старинных напольных часов красного дерева и позвякивание тонких, почти прозрачных фарфоровых чашек.

– С вашего позволения, я сделаю то, для чего пригласил вас сюда, – Жан оставил кофе. – В ноябре Прага не очень уютна, здесь становится холодно, промозгло и серо. Я решил ненадолго догнать уходящее лето. Илья, я приглашаю тебя в творческую командировку на Капри, вместе с дамой, разумеется, – он подмигнул мне. – Можешь считать это дополнительным авансом – все расходы я вычту из твоего гонорара, так что можешь быть спокоен – никаких подарков.

– К-куда? – я поперхнулся кофе.

Жан улыбался, довольный произведённым эффектом.

– На Капри? К Горькому? – я встал. – Ну, знаешь, я думал, жизнь меня ко всему подготовила! В чём подвох?!

– Честно?

– А как же! – я поставил чашку на поднос.

– Хочу увести у тебя Лизу!

– Чёрта с два!

Жан закурил. Пустил кольцо к низкому потолку:

– Всё просто. Я одинок и раздавлен, – он с силой расплющил сигарету в пепельнице. – Недавно от меня ушла Кэт, ты слышал, наверное?

Я кивнул. Все знали, что ему не везёт с женщинами.

– Так вот, – продолжил Жан. – Я не хочу сейчас оставаться один. Не могу. Никак. А в тебе я чувствую родственную душу. Ты такой же бродяга, как я.

– Но...

Он чуть повысил голос:

– Никаких «но»! Я прошу о помощи! Эти проклятые деньги не заменят мне друзей! Впрочем, я ведь и не предлагаю их тебе даром. Вычту из твоего гонорара.

– А будет из чего платить гонорар?

Жан махнул рукой:

– Будет! Однако, – он обратился к тебе, стараясь быть милым и улыбаться: – Вы можете быть спокойны, я буду прекрасным, уравновешенным компаньоном и ничем вас не потревожу! Вы ведь не откажетесь поехать с нами?

Ты не ответила, глядя в одну точку.

– Ты в порядке? – насторожился я.

– Что? – ты словно проснулась.

– Ты в порядке? – повторил я.

– Да, всё хорошо. Просто странно....

–Что?

– Нет, ничего, – ты тряхнула головой, отгоняя морок. –

Так о чём мы?

Жан взглянул на меня, я пожал плечами. Что я вообще знаю о тебе?

– Вы поедете с нами?

– На Капри? – ты как-то странно усмехнулась.

– Да.

– А почему бы и нет, поехали!

Жан ударил ладонью по столу:

– Вот и отличненько!

Мне показалось, что они разыгрывают пьесу, которой я не знаю. Что ж, разберёмся. Но главное не в этом.

– Жан, ты меня покупаешь? Вместе с Лизой?

Он вскочил, выставил перед собой пухлые ладони:

– Да нет же, идиот! Я умоляю! Возьми у меня беспроцентный кредит!

Ты оставалась невозмутима.

– Ну, допустим. Когда тебе нужен мой ответ?

– Я планировал вылететь завтра. Очень тебя прошу!

Я спросил тебя:

– Летим завтра?

Ты ответила:

– Летим!

– Дурдом какой-то, – пробормотал я. – Никак не могу привыкнуть к вашему божественному темпу жизни!

Жан добродушно усмехнулся:

– Теперь и вашему! – а потом добавил с искренней теплотой:

– Соглашайся, Илья. Мне очень не хватает хороших людей!

– Жан, ты не оставляешь мне выбора. Но, – я поднял к низкому потолку указательный палец, – никакой благотворительности! Аванс! – во мне говорила звенящая гордость бедных.

Он с облегчением откинулся на спинку:

– Хвала Аллаху, милостивому и всемогущему! Вылетаем завтра днём, и гори тут всё синим пламенем!

– Надолго? – уточнила ты.

– Лиза, я предложил бы вам провести там месяц, но боюсь, что гонорара Ильи может не хватить! – Жан беззлобно засмеялся. – Три дня. Дольше дела не пускают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.